

О БЕСПОКОЙНОЙ КНИГЕ

В «Литературной газете» № 39 опубликованы два малоизвестных очерка М. Горького. Ниже печатается один из них — «О беспокойной книге», извлеченный из «Нижегородского листка» за 25 декабря 1898 года.

В примечании С. Балухатого, помещенном в том же номере «Лит. газет», высказывается предположение, что темой очерка «О беспокойной книге» является «обсуждение творчества Чехова, значения его произведений для читателя того времени».

— Я не мальчишка, мне сорок лет, да! Я знаю жизнь, как морщины на своих ладонях и щеках, меня нечему и некому учить. У меня семья, и чтобы создать ей благосостояние, я тнул спину двадцать лет, да-т! Гнуть спину — занятие не особенно легкое и совсем не приятное. Но — это было, прошло, и я теперь желаю отдохнуть от трудов жизни. — Вот что я прошу понять вас, сударь мой!

Отдыхая, я люблю почитать. Чтение — высокое удовольствие для культурного человека, и ценю книгу, она — моя дорогая привычка. Но я отнюдь не принадлежу к тем чудачкам, которые бросаются на всякую книгу, как голодные на хлеб, ищут в ней какого-то нового слова и ждут от нее указаний, как жить.

Я знаю, как надо жить, знаю-с.

Я читаю с выбором только хорошие, когда написанные книги, мне нравится, когда автор умеет показать светлые стороны жизни, когда он и дурное описывает красиво, так, что о достоинстве жареного не думаешь, наслаждаешься вкусом соуса. Над, людей, чоробогавших на своем веку, книга должна утешать, она должна бабкать нас, вот что я вам скажу, сударь мой. Спокойный отдых — мое священное право. — кто скажет, что это не так?

Ну-с, и вот купил я однажды книгу одного из этих новых хваленых писателей.

Купил, любовно принеся домой и вечером, разрезав осторожно книжку листы, приступил к чтению. Должен сказать, — с предубеждением приступил. Не верю в эти молодые, симпатичные и тинные таланты. Люблю Тургенева — писатель тихий, кроткий, читаешь его — как тустое молоко

шьешь, и, читая, думаешь: это было давно, все это прошло, прожито! Люблю Гончарова — спокойно шисал, солидно, убедительно...

Но — читаю... Что за чорт! Прекрасный, точный язык, беспристрастие, — этакая, знаете, ровность — очень хорошо! Прочитал один маленький рассказ, закрыл книгу, подумал... Впечатление грустное, но читать можно без боязни. Нет этих, знаете, жестостей, экивоков в сторону обесчеленных людей, нет стремления выставить меньшего брата образцом всех добродетелей и совершенств, нет ничего дерзкого, все очень просто, очень мило... Читаю еще рассказик — очень, очень хорошо! Bravo! Еще... Говорят, что когда китаец хочет отравить какого-нибудь благоприятеля, который почему-либо надоел ему, китаец угощает его лимбирным вареньем. Великолепное, вкусное варенье и до известного момента его кушаешь с невыразимым наслаждением. Но когда наступает этот «известный момент» — человек вдруг падает и — готово! Больше шикогда и ничего ему не надо кушать, ибо он сам тотов уже в пищу червям могилы.

Так вот и эта книга. Я прочитал ее не отрываясь. Дочитывал уже в постели, а когда кончил, — погасил огонь и собрался баиньки. Лежу, спокойно вытянувшись. Темно и тихо...

Как вдруг, знаете, чувствую что-то необычное. Начинает казаться, что надо мною во тьме выются и кружатся с тихим жужжаньем какие-то осенние мухи, знаете этих навязчивых мух, которые умрут как-то сразу сесть вам и на нос, и на оба уха, и на подбородок. Лашки их особенно раздражающе щекочут кожу...

Открываю глаза — ничего! Но в душе что-то мутное, невеселое! Невольно вспоминается прочитанное, встают перед глазами сумрачные образы героев... Люди все — дряблые, тихие, бескровные, жизнь у них — полешал, скучная...

Не спится мне...

Начинаю думать: прожил я сорок лет, сорок лет, сорок лет. Желудок варит плохо. Жена говорит, что я — гм! — что я ее уже не так горячо люблю, как любил лет пять тому назад... Сын — болван. Отметки у него прекверные, лезитесь, казается на коньках, читает идиотские книжки... Надо посмотреть, какие это книги... Школа — мучительное учреждение и урождает детей. У жены под глазами тусовные лашки, а она — туда же... Служба моя — совершенная глупость, если рассуждать правильно. И вообще вся моя жизнь, если рассуждать правильно...

Тут я поспридержал вожжи своего вооб-

ражения и вновь открыл глаза. Что за чертовщина?

Смотрю — у моей кровати стоит книга. Сухая, толстая, на тонких, длинных ножках, она качает одобрително маленькой головкой и тихим шелестом страниц говорит мне:

— Рассуждай правильно...

Лицо у нее какое-то длинное, свирепотоскливое, и глаза мучительно ярко сверкают и сверлят мне душу.

— Подумай-ка, подумай—зачем ты прожил сорок лет? Что ты внес в жизнь за это время? Ни одной свежей мысли не родилось в твоей голове, ни одного оригинального слова не сказал ты за эти сорок лет... Никогда твоя грудь не вмещала в себе здорового, сильного чувства и даже, полюбив женщину, ты все соображал — удобной ли женой она будет для тебя? Половину жизни ты учился, другую — забывал то, чему выучился. И всегда ты заботился только об удобствах жизни, о тепле, о сытости... Ничтожный, несамостоятельный ты человек, лишней, ненужный никому. Ты умрешь — и что останется после тебя? Как будто ты и не жил...

Лезет она на меня, эта проклятая книга, вываливается мне на грудь и давит. Страницы ее дрожат, обнимают меня, шепчут мне:

— Таких, как ты, — десятки тысяч на земле. Все вы всю жизнь сидите в своих теплых шлеках, как тараканы, и оттого жизнь так скучна и сера.

Я прислушивался к этим речам и чувствую, как будто в сердце мне заделали чьи-то тонкие, холодные пальцы, ковыряются в нем, и мне тошно, больно, беспокойно. Жизнь никогда не казалась мне особенно яркой, я смотрел на нее, как на обязанность, которая вошла в мою привычку... А впрочем, вернее сказать, я никак не смотрел на нее. Жил — и все тут.

Но теперь эта дурацкая книга окрасила ее в какой-то невыносимо-скупный, дощато-серый цвет.

Люди страдают, чего-то хотят, к чему-то стремятся, а ты служишь... Чему ты служишь? Для чего? Какой смысл в этой службе? И сам ты не находишь в ней удовольствия и другим ничего не дает она... Зачем ты живешь?..

Эти вопросы кусали меня, грызли, я не мог опать. А человек должен спать, сударь мой!

Со страниц книги смотрели на меня лица ее героев и спрашивали:

— Зачем живешь?

— Не ваше дело! — хотел я сказать и не мог. Какие-то шорохи, шепоты звучали в моих ушах. Мне казалось, что волны ледяного моря подхватили мою кровать и унесут ее со мною куда-то в безбрежность и качают меня. Воспоминания о прожитых годах вызвали у меня что-то вроде морской болезни... Никогда я не проводил столь спокойной ночи, клянусь вам, сударь мой!

И я спрашиваю вас: какая польза человеку от книги, которая беспокоит его и не дает ему спать? Книга должна повышать мою энергию, а если она сует иголки на мою спину, — зачем мне она, споровольте унять? Подобные книги следует изъять из употребления, — вот что, сударь мой! Ибо человек нуждается в приятном, а неприятности он сам способен создать...

— Чем это кончилось? Очень просто-с. Я, знаете, поутру встал с постели злой, как черт, взял эту книгу и отнес ее к переплетчику.

А он мне ее пере-пле-л! Переплет крепкий, тяжелый. Она стоит на нижней полке моего книжного шкафа, и когда мне весело, я, тихонько дотронувшись до нее носком сапога, спрашиваю ее:

— Что взяла, да?